

УДК 81`27

Осипова А.А.

Московский гуманитарный педагогический институт

Хухуни Г.Т.

Московский государственный областной университет

ПЕРЕВОД САКРАЛЬНОГО ТЕКСТА: ПРОБЛЕМА ПОДЛИННИКА

A. Osipova

Moscow Humanitarian Pedagogical Institute

G. Khukhuni

Moscow State Regional University

TRANSLATION OF A SACRED TEXT: THE PROBLEM OF THE ORIGINAL

Аннотация. В статье рассматривается понятие подлинника применительно к различным переводам Священного Писания. Отмечается, что далеко не всегда в качестве исходного текста выступал оригинал в собственном смысле слова, что могло быть вызвано как внешними факторами (например, отсутствием переводчиков, в достаточной степени владеющих исходным и / или переводящим языками), так и сознательной установкой создателей тех или иных версий Библии на различных языках. Особое внимание уделяется случаям, когда так называемый «перевод из вторых рук» был связан с профессиональными соображениями и стремлением опереться на соответствующую традицию.

Ключевые слова: религиозный, текст, перевод, оригинал, Библия, католический, православный, протестантский.

Abstract. The present paper deals with the notion of the original text in application to various translations of the Holy Writ. It is emphasized, that in many cases the source text of a translations was not the original one. It could be caused by both extralinguistic factors (e.g. the lack of translators with sufficient knowledge of the source and/or target languages), and by the intention of the creators of the versions Bible in different languages. Special attention is paid to the occasions, when the so-called "second-hand translation" was motivated by the confessional considerations and by the desire of preserving the existing tradition.

Key words: religious, text, translation, original, Bible, Roman-Catholic, Orthodox, Protestant.

В одном из наиболее авторитетных справочных трудов отечественного переводоведения – «Толковом переводческом словаре» Л.Л. Нелюбина можно найти следующие дефиниции интересующих нас понятий (поскольку каждый термин имеет несколько значений, воспроизводим те определения, которые имеют непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме):

«Исходный текст – ...3. То же, что *оригинал* и *подлинник*...

Оригинал – 1. Исходный текст в переводе... 3. То же, что *подлинник*...

Подлинник – 1. Оригинальный текст, не перевод. 2. Исходный текст в переводе...» [8, с. 72, 131, 155].

Нетрудно заметить, что – если исходить из приведённых толкований – все три термина могут рассматриваться как абсолютные синонимы, обозначающие речевое произведение, не имеющее прототипа (т. е. изначально порождённое, а не перекодированное), что представляется вполне логичным.

С другой стороны, истории перевода хорошо известны случаи, когда в роли исходного выступал текст, который сложно считать подлинником / оригиналом в приведённом выше смысле, поскольку сам он представлял собой перевод (причём опять-таки далеко не всег-

да с первоначальной версии). В определённые эпохи такого рода «переводы из вторых (а иногда и третьих, четвёртых и т. п.) рук» были явлением не только распространённым, но едва ли не преобладающим в межъязыковой передаче. В отечественной традиции называют в этой связи Петровскую эпоху, когда, по замечанию С.И. Николаева, «попадая в Россию, иностранные книги как бы теряли свой национальный облик» (в качестве примера автор приводит случай с книгой Поля Рико о турецкой монархии, «с указанием на титульном листе, что переведено с польского, в действительности это перевод с итальянского, который был выполнен с французского перевода английского оригинала» [9, с. 78]. Впрочем, в том же XVIII столетии «переводы из вторых рук» были достаточно распространены и во многих западноевропейских странах, в частности в Германии, где в ряде случаев немецкий читатель знакомился с произведениями мировой литературы через французское посредство. Правда, даже прибегавшие к подобному методу авторы часто признавали его недостаток, поскольку французские переводчики «позволяют себе в переводах большие вольности» [18, с. 126].

В принципе, подобного рода «переводы с переводов» в подавляющем большинстве случаев рассматривались как явление нежелательное: в лучшем случае – как неизбежное зло, в худшем – как вредоносное искажение оригинала. Например, в эпоху Возрождения одним из наиболее существенных недостатков «мрачного Средневековья» (о котором, впрочем, ещё в XIII столетии говорил Роджер Бэкон) считали то обстоятельство, что памятники греческой философской мысли (в первую очередь, сочинения особо почитаемого схоластами Аристотеля) переводились на латынь не с оригиналов, а с арабских переводов, что приводило к многочисленным неточностям. Так, Л. Бруни в этой связи писал: «Ибо когда я увидел, что книги Аристотеля, написанные на греческом языке изящнейшим стилем, по вине плохого переводчика доведены до смешной нелепости, и что, помимо этого, в самих вещах, и притом в высшей степени

важных, много ошибочного, я взял на себя труд перевести их заново» [6, с. 33]. Отметим, что аналогичное явление имело место и в русской культуре XVIII в. Так, созданное по инициативе Екатерины II «Собрание, старящееся о переводе иностранных книг на русский язык» уже «очень ценило перевод с подлинников и объявляло в ведомостях, что, если из переведённых и уже напечатанных сочинений... возьмёт кто какие-либо книги вновь переводить не с преложений на иностранные языки, но с самих подлинников, то собрание примет оные переводы с удовольствием и определит соразмерное вознаграждение» [12, с. 16].

Однако, обращаясь к истории переводов Священного Писания, можно заметить одну, на первый взгляд, парадоксальную вещь: «возвращение к подлиннику» (т. е. стремление сделать новый перевод, взяв в качестве исходного текст оригинала в собственном смысле слова) нередко вызывало, мягко говоря, достаточно неоднозначную реакцию, а «соразмерное вознаграждение» оказывалось порой такого свойства, которое отнюдь не радовало переводчиков...

Разумеется, речь не идёт о тех случаях, когда «перевод с перевода» обусловливался тем, что можно назвать «внешними факторами», аналогичными рассмотренным выше, т. е. когда «обращению к подлиннику» препятствовали объективные обстоятельства (чаще всего подобным образом обстояло дело в так называемых «миссионерских переводах»). Известно, что именно русский (синодальный) текст «лежит в основе целого ряда переводов на языки народов РФ (напр., кряшенский, чувашский)» [10]. В свою очередь, англоязычная Библия нередко служила основной опорой для создания версий Священного Писания на различных «экзотических» идиомах (индейских, африканских и др.). При всей несопоставимости масштабов, проблема в данном случае, в принципе, та же, что и в использовании подстрочника при осуществлении художественного перевода с малоизвестных языков – в отсутствии возможности обеспечить перевод с исходного на

переводящий язык без посредника. В связи с этим можно вспомнить известное замечание Расула Гамзатова: «Есть русские люди, которые умеют читать по-аварски, но они, увы, не поэты. И есть русские поэты, которые, увы, не умеют читать по-аварски. Как же быть? Что делать? Приходится обращаться к подстрочнику» [5].

Однако применительно к данной сфере можно говорить и о случаях принципиально иного характера, когда перевод – используя выражение В.Н. Комиссарова – не столько выступал в функции «полноправной коммуникативной замены оригинала» [7, с. 44], сколько играл роль самого оригинала, возврат к которому представлялся едва ли не ересью. Причём, наблюдаться такое отношение могло в различных конфессиях и по отношению к разным версиям священного текста.

Процитируем в этой связи замечание одного из ведущих современных отечественных библеистов А.А. Алексева, отмечавшего, что для славянской традиции «греческий текст является оригиналом (в православном восприятии это справедливо и для Ветхого Завета)» [1].

Из этого, конечно, отнюдь не следует, что «православное восприятие» когда-либо игнорировало тот общеизвестный факт, что «оригиналом» книг Ветхого Завета в подавляющем большинстве случаев был еврейский текст. Не менее известно и то обстоятельство, что вопрос об эквивалентности греческой Септуагинты последнему в ряде моментов также являлся достаточно сложным (на что, в частности, неоднократно указывали представители иудейской традиции, «укоряя христиан в неточности греческого перевода, и относительно некоторых, приводимых из него мест, говорили, что этого нет в еврейской Библии» [13, с. 4]). Этим объяснялось в значительной степени и появление противопоставленных Септуагинте иудейско-грекоязычных версий (Аквилы, Феодотиона и т. д.), которые, однако, достаточно быстро сошли со сцены и в своём большинстве оказались утраченными.

С другой стороны, отсюда вытекало и то двойственное отношение к «собственно под-

линнику» (т. е. еврейскому тексту) и «признаваемому подлинником» (т. е. греческой Септуагинте), на которое, в частности, указывал И.А. Чистович: «При... всеобщем употреблении греческого текста LXX (т. е. Септуагинты. – А.О., Г.Х.), в древней церкви не было однако ж какого-либо враждебного отношения к еврейскому тексту; напротив, при чтении и при исправлениях греческого текста, к нему всегда обращались, как к пособию... Но, при таком употреблении еврейского текста, он никогда не был принимаем за норму, определяющую правильность чтений, имеющих важность в догматическом отношении» [13, с. 10-11].

Аналогичным образом обстояло дело и в русской православной традиции, хотя в разные эпохи на тех или иных версиях отдельных библейских книг могли сказываться влияния еврейских и латинских источников (подробнее см.: [1]). В этом смысле для церковнославянской Библии вполне справедливо звучит относящееся к XVII столетию утверждение Симеона Полоцкого, который, полемизируя со старообрядцами, писал: «Греческая Святая Писания суть нам славянам прототипом, иже есть первообразное, от их же вся книги наши переводим, ничесо же прилагающе или отъемлюще, да совершенно им уподобимся» [4, с. 34] (хотя «совершенно уподобиться» греческому тексту славянский, естественно, не мог).

Да и при создании в XIX столетии уже русской версии Священного Писания (история которого достаточно драматична), как заметил И.А. Чистович, «все... переводы Библии (за исключением перевода Г.П. Павского) сделаны с еврейского *под руководством* греческой Библии» [13, с. 338]. Характерно при этом, что именно упомянутый перевод Павского вызвал наиболее резкое неприятие в церковных кругах и принёс своему автору немало неприятностей (см., в частности, [11], [13]). Да и при создании Синодального перевода, (который, как не раз отмечалось, «сегодня за пределами богослужения приобрёл статус общецерковного или даже официального перевода Русской Православной Церк-

ви» [10]), присущая ему ориентация на еврейский оригинал отнюдь не была воспринята однозначно-положительно. Казалось бы, неопровержимый довод, согласно которому «греческая библия, с которой большей частью переведена наша славянская, есть перевод с еврейского текста, и... потому перевод с греческого был бы перевод с перевода, следовательно вдвойне удалился бы от подлинника», – встречал не менее убедительное с позиций защитников «грекофильской» традиции возражение, что «важно не то чтение, какое мы в настоящее время найдём в еврейской библии, а то, какое приняла, усвоила и авторизовала древняя христианская церковь и какое имеет за собой авторитет многовекового церковного верования или предания» [13, с. 335-336].

Таким образом, хотя православная церковь, строго говоря, не имеет догматизированного текста Священного Писания и в принципе допускает создание новых его версий (попытка объявить таковым текст церковнославянской Библии, предпринятая в позапрошлом столетии, поддержки не нашла), однако и здесь можно найти определённое подтверждение мысли о том, что для христианства (в отличие от таких монотеистических религий, как иудаизм или ислам) достаточно характерна тенденция предания священного статуса переводам своих основополагающих текстов: «Даже если с лингвистической точки зрения библейский фрагмент подобен любому другому проявлению языка..., с исторической точки зрения дело обстоит отнюдь не так, и его перевод не может быть уподоблен какому-либо другому выполнению переводческих обязанностей. Это не обязательно объясняется сакральным характером текста как такового (сакральность не является лингвистической характеристикой), но тем, что нечто, связанное с текстом или некоторыми его версиями, длительное время мыслилось как сакральное многими разными людьми (сакральность есть факт исторического принятия)» [17].

В ещё большей степени указанный аспект сказан в католической традиции. Причём здесь мы тоже сталкиваемся со своеобраз-

ным парадоксом: тот самый текст, который впоследствии был признан в ней не просто высшим авторитетом, но и (по решению Тридентского собора в 1546 г.) – богодухновенным и равным оригиналу, первоначально «за свои отклонения от всеми почитаемого тогда текста Septuaginta считался некоторыми еретическим» [3]. В одном из писем Папе Дамасию, по поручению которого он и предпринял свой труд, его создатель – блаженный Иероним не без горечи писал: «Кто из учёных или неучей, взяв в руки этот труд и обнаружив в нём уже с первых страниц расхождение с привычным текстом, не обрушится на меня с обвинениями в обмане и святотатстве за то, что я посмел что-то добавить, изменить или исправить в старых книгах?» [14, с. 1515]. Характерно, что, полемизируя со своими противниками и обосновывая правомерность отхода при передаче Ветхого Завета от греческого «квазиоригинала», Иероним считает необходимым прибегнуть не только и не столько к чисто филологической, сколько к богословской аргументации: создатели Септуагинты переводили до пришествия Христа и поэтому не могли всегда передавать содержание оригинала в точности; мы же, пишущие после страстей Господних и Его воскресения, имеем дело не столько с пророчеством, сколько с историей. «Одно дело – повествовать о слышанном, другое – о виденном; то, что мы лучше понимаем, лучше и передаём (*aliter enim audita, aliter visanarrantur; quod melius intellegimus, melius et proferimus*)» [14, с. 4].

В дальнейшем же, как известно, именно версия Иеронима – *Вульгата* стала основой для многих католических переводов на европейские языки, в том числе и выполненных тогда, когда уже существовали появившиеся в период Реформации переводы с еврейского (Ветхий Завет) и греческого (Новый Завет) оригиналов. Причём здесь, как неоднократно отмечали исследователи, прошёл водораздел между католическим и протестантским подходами к процессу межъязыковой передачи Священного Писания: если вторые ориентировались на подлинники в собственном смысле слова (т. е. на еврейский для Ветхого

и греческий для Нового Заветов соответственно), то первые вплоть до середины XX столетия использовали в качестве исходного текста как раз латинскую Вульгату. Именно так поступили создатели первой по времени английской католической версии (т.н. *The Douai-Rheims Bible*), работавшие на рубеже XVI – XVII столетий. Внёсший наиболее крупный вклад в её появление Григори Мартин, полемизируя с протестантами, обосновывал подобный подход в предисловии к переводу Нового Завета следующим образом: «Мы вопрошаем их: кто может быть недоволен древним латинским переводом, который является текстом наших отцов и всей церкви?», – подчёркивая при этом, что текст Вульгаты «лучше и правильнее» не только других латинских переводов, но и самого оригинала, что дало повод представителям протестантской традиции заметить: «Таким образом, католическая церковь предпочла отказаться от высшего авторитета Слова Божия на оригинальных языках, чтобы сохранить авторитет предпочитаемого ими перевода – Вульгаты» [16].

Совершенно аналогичной по данному вопросу оказалась и позиция Р. Нокса (кстати, являвшегося автором весьма популярных в своё время детективных произведений), деятельность которого относится уже к первой половине прошлого века. Он также использовал в своём переводе, вышедшем в свет в 1945 г., в качестве основного источника старое издание латинской Вульгаты (1592), а не оригинальные еврейские и греческие тексты. Подобный выбор тем более показателен, что ещё 30 сентября 1943 г. вышла в свет папская энциклика “*Divino afflante spiritu*” («Божественным наитием Духа»), в которой утверждалось, что поскольку оригинальный текст написан самим боговдохновенным автором, он тем самым должен признаваться более авторитетным и значимым, нежели любой перевод, древний или новый [15]. Тем самым переводчик оказался в буквальном смысле слова «святее Папы Римского». Однако позиция Нокса была обусловлена весьма принципиальными соображениями: поскольку

Вульгата признаётся католической церковью со времён Тридентского Собора равной оригинальному тексту, единственным способом обеспечить точный перевод, отражающий ценности католицизма, будет использование упомянутого издания 1592 г., (хотя, несомненно, Р. Нокс был достаточно осведомлён о тех ошибках, которые содержались в этом издании).

Таким образом, вопрос о целесообразности отказа от «перевода из вторых рук» (даже при наличии объективной возможности передачи с подлинника) применительно к тексту Священного Писания мог получать различное решение, что было связано с религиозной принадлежностью автора перевода и традициями, присущими той или иной конфессии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеев А.А. Библия в церковнославянской письменности [Электронный ресурс]. – URL: http://vinteresah.ru/interest/Vinteresah2/4666.html?utm_source=librusec&utm_medium=banner&utm_content=banner7&utm_campaign=%D0%9A%D0%BE%D1%81%D0%BC%D0%BE (дата обращения: 14.05.2012).
2. Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. – СПб.: Дмитрий Буланин; Köln, Weimar, Wien: BohlauVerlag, 1999. – 254 с.
3. Библейские переводы // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [Электронный ресурс]. – URL: http://www.biblia.ru/about/_history/b_e2.htm (дата обращения: 14.05.2012).
4. Буланин Д.М. Древняя Русь // История русской переводной литературы. Древняя Русь. XVIII век. – СПб.: Дмитрий Буланин; Köln, Weimar, Wien: BohlauVerlag, 1995. – С. 17–73.
5. Гамзатов Р.Г. Сочинения [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gamzatov.ru/book/mydag7.htm> (дата обращения: 14.05.2012).
6. Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения. – М.: Высшая школа, 1980. – 368 с.
7. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Курс лекций. – М.: ЭТС, 2000. – 192 с.
8. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
9. Николаев С.И. Эпоха Петра I // История русской переводной литературы. Древняя Русь. XVIII век. – СПб.: Дмитрий Буланин; Köln, Weimar, Wien: BohlauVerlag, 1995. – С. 74–93.

10. Отношение Церкви к существующим разнообразным переводам библейских книг [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bogoslov.ru/text/1456920.html> (дата обращения: 14.05.2012).
11. Рижский М.И. Русская Библия: История переводов Библии в России. – СПб.: Аквалон, Азбука-классика, 2007. – 256 с.
12. Семенников В.П. Собрание старающееся о переводе иностранных книг, учреждённое Екатериной Второй. 1768-1783 г.г. Историко-Литературное исследование. – Санкт-Петербург: Типография `Сириус`, 1913 г. – 63 с.
13. Чистович И.А. История перевода Библии на русский язык. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. – 347 с.
14. Biblia Sacra juxta Vulgatam Versionem. – Stuttgart: Württembergische Bibelanstalt, 1975. – 1980 p.
15. Divinoafflantespiritu [Электронный ресурс]. – URL: http://www.vatican.va/holy_father/pius_xii/encyclicals/documents/hf_p-xii_enc_30091943_divino-afflante-spiritu_en.html (дата обращения: 16.05.2012).
16. Norris R. The Claims of the Latin Vulgate – only View [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kjv-only.com/rick/vulgateonly.html> (дата обращения: 16.05.2012).
17. Рум А. On the historical epistemologies of Bible translating [Электронный ресурс]. – URL: http://usuaris.tinet.cat/apym/on-line/translation/bible_epistemology.pdf (дата обращения: 14.05.2012).
18. Stackelberg, J. Übersetzungenausweiter Hand. Rezeptionsvorgänge in der europäischen Literatur vom 14. bis zum 18. Jahrhundert. – Berlin / New York, de Gruyter, 1984. – XI. – 233 S.